

Третьим основанием объединения в один автономный блок статей 125, 126, 128 и 133 Уголовного кодекса Республики Казахстан, является то, что преступлениям, предусмотренным указанными нормами, присущ признак насилия, понимаемого в широком смысле.

В настоящее время можно констатировать, что для Казахстана проблема насилия и работоговли стала социальной и государственной проблемой [11].

Таким образом, уголовно-правовыми средствами противодействия рабству и торговле людьми можно считать статьи Уголовного кодекса Республики Казахстан: 125 – «Похищение человека», 128 – «Торговля людьми», 133 – «Торговля несовершеннолетними»

Список использованных источников:

1. Овчинникова Г.В., Павлик М.Ю., Коршунова О.Н. Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы. – СПб., 2001. – С. 87.
2. Отчет Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. – 2008-2009 // www.pravstat.kz/rus.
3. Оганян Р.Э. Проблемы борьбы с преступлениями, связанными с похищениями людей // Проблемы борьбы с терроризмом. Материалы научно-практической конференции от 21 марта 2000 г. – М, 2000. – С. 107.
4. Алихаджиева И.С. О торговле людьми в целях принуждения к занятию проституцией // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним. Часть 1. – Саратов, 2004. – С. 120-122.
5. Бекмазамбетов А.Б. Правовые основы криминализации торговли людьми в уголовном законодательстве Республики Казахстан. Автореф. дисс. ... канд. наук. 12.00.08 – М., 2005.
6. Забрянский Г.И. Транснациональная преступность: понятие, виды, распространенность // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью. – Краснодар, 2000. – С. 21.
7. Кругликов Л.Л. Уголовно-правовые аспекты пресечения и ликвидации торговли людьми и эксплуатации проституции // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью. – Краснодар, 2000. – С. 115.
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года №167-1. – Алматы: «Юрист», 2009.
9. Евстифеева Е.В. Ответственность за торговлю людьми в международном и отечественном законодательстве // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. Саратов, 2002. – С. 53.
10. Международное право в документах // Составитель Н.Т. Блатова. – М, 1997. – С. 288-290.
11. Балабаева Н. Работоговля: гендерный аспект <http://rodnik.kz/rabstvo/rabotorg-2.htm>

Түйін

Бұл мақалада автор адам құқықтарын ұйымдастыран қылмыс тарапынан қорғауды қамтамасыз ету саласындағы ұлттық заңнаманың мазмұнын талдаған.

Summary

The author of this article analyses the content of the national legislation in the area of a human being's protection from infringement his personal liberty.

More over the author observes the existing mechanisms of protection of an individual's freedom from the infringement of the organized crime part.

A.K. Богенбаева,

к.и.н., ассоциированный профессор факультета общей гуманитарной подготовки КазГАСА

СУДЫ БИЕВ КАК ПЕРВООСНОВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Судебная власть в Казахской степи издревле осуществлялась в основном биями. Трудно сказать, к какому времени следует отнести возникновение суда биев. По некоторым данным, суды биев как таковые существовали задолго до правления Тауке хана (после 1652 до 1680 – ок.1715 гг.). Сегодня Казахстан активно проводит реформы в судебной системе. Эта необходимость назрела давно.

Суд биев действительно был чрезвычайно эффективным институтом в кочевом обществе. Это неоднократно подчеркивали, в частности, чиновники российской администрации в XVIII-XIX вв. Известно множество случаев, когда русские крестьяне или торговцы в своих тяжбах с коренным населением предпочитали биев имперскому суду. Однако, начиная с XIX века, суд биев стал терять свою

популярность, что подтверждают практически все источники. В чем же была причина падения авторитета народного правосудия?

Первый этап имперской политики в Казахстане сводился к попыткам централизовать и укрепить власть тех ханов и султанов, которые приняли и признавали российское подданство. Естественно, независимый от ханов суд биев рассматривался как досадное препятствие в реализации этой политики. Поэтому еще в процессе переговоров Абулхаирхана с М. Тевкелевым о вступлении в российское подданство в 1731-1732 гг. рассматривалась возможность создать альтернативу суду биев – совместный суд, состоявший из русских чиновников, султанов и родовых старейшин.

Противоречивая политика хана Абулхаира по отношению к России, а затем и его гибель не позволили реализовать этот проект, поэтому следующая попытка ослабить позиции суда биев была предпринята полвека спустя. В 1783 г. генерал-губернатор Симбирска и Уфы А.И. Апухтин обратился к императрице Екатерине II с предложением об учреждении в Оренбурге пограничного суда, находящегося под непосредственным контролем местного генерал-губернатора. Подобный суд был открыт в октябре 1786 г., он должен был разрешать споры между жителями пограничных территорий – казахами, русскими, башкирами и пр. Свообразными «филиалами» пограничного суда в Степи должны были стать «расправы», которые предполагались как низшая судебная инстанция, должностная заменить суд биев. В состав расправ выбирались представители казахских племен, что, в общем-то, соответствовало практике избрания биев, однако самой природе прежнего суда биев противоречили три момента: во-первых, чрезмерно формализованный порядок выборов (сами бии «выбирались» сравнительно стихийно); во-вторых, постоянная основа деятельности расправ, т.е. выборные становились своего рода полицейскими чиновниками в Степи и получали за это постоянное жалование, и, в-третьих, подчинение «расправ» пограничному суду, а через него – и генерал-губернатор (что уже в корне противоречило принципу независимости суда биев).

В результате подобных преобразований в казахском обществе наметился раскол, поскольку часть населения не признала полномочия новых судебных органов, а часть признала. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что хан Среднего жуза Вали (сын Аблайхана) в 1798 г. обратился к русским властям с просьбой учредить в Петропавловске такой же пограничный суд для подвластного ему жуза, какой существовал в Оренбурге для Младшего жуза. Однако в целом проект А.И. Апухтина следует считать провальным. Прежде всего, сами казахи не доверяли пограничному суду и предпочтитали ему прежний суд биев. Затем, внедрение «чужеродной» судебной системы вызвало сопротивление казахских султанов (даже из числа принявших российское подданство) и в особенности тех биев, которые не были «избраны» в расправы. Кроме того, и сами новоизбранные члены суда и расправ из числа казахов не горели желанием активно работать и обычно лишь приезжали в Оренбург только для получения своего жалования. В результате уже в 1799 г. пограничный суд был упразднен, а его надзорные функции перешли к пограничной комиссии – филиалу коллегии (с 1802 г. – министерства) иностранных дел. [1]

Любопытно отметить, что приблизительно в это же время российские власти осуществляли практические аналогичную судебную реформу в другом кочевом обществе – у калмыков, где она прошла с большим успехом. В 1801 г. была возобновлена деятельность традиционного калмыцкого суда Зарго, прежде существовавшего в XVII-XVIII вв., но позднее упраздненного. При этом судьями являлись представители как калмыцкой правящей верхушки, так и российской администрации. Некоторое время спустя Зарго был непосредственно подчинен астраханскому генерал-губернатору. Большая эффективность этой реформы, нежели в Казахстане, объясняется, по-видимому, во-первых, более ранним вступлением калмыков в русское подданство, а во-вторых, более близким расположением их кочевий к европейской части России. В Казахстане же, как мы имели возможность убедиться, подобные реформы не имели успеха. [2]

Первые неудачи несколько охладили пыл русской администрации и заставили ее перейти к менее радикальным мерам по борьбе с судом биев. Так, «Устав о сибирских киргизах», разработанный в 1822 г. М.М. Сперанским, практически исключил вмешательство российских властей в дела суда биев: из компетенции последнего были лишь изъяты наиболее серьезные преступления – против государственной власти, убийство, грабеж и баранта (именно с этого времени официально превратившаяся из меры исполнительного производства – пусть и радикальной – в преступление). Казахи получили право (именно право, а не обязанность!) обращаться не только к суду биев (которые выбирались казахами в прежнем порядке, но отныне утверждались волостными управителями), но и в имперские судебные органы. Однако подобная политика, весьма разумная с политической точки зрения, серьезно дискредитировала российские власти даже в глазах признающих их казахских султанов и родовых

старейшин: преобладающая часть казахского населения предпочла по-прежнему прибегать к суду биев.

Дальнейшие работы по реформированию казахской судебной системы представляли собой возврат к попыткам коренного реформирования суда биев. Несомненно, это явилось отражением перелома в российской политике в Казахстане: имперские власти больше не были заинтересованы в укреплении власти ханов (которая в 1820-е гг. была упразднена) и султанов, а потому стремились максимально децентрализовать управление в Степи. Независимость суда биев, как и прежде, являлась одним из главных препятствий для решения этой задачи.

Одним из главных постулатов новой политики в отношении суда стало практически насильтвенное внедрение норм шариата в судебную практику биев. Нельзя сказать, что прежде мусульманские правовые нормы совершенно отсутствовали в праве и судебной деятельности – напротив, они имели значительное распространение, что нашло отражение, в частности, и в законах Тауке-хана. Автор труда о народах России И.Г. Георги уже в третьей четверти XVIII в. отмечал, что законы «киргизцев» базируются на Коране. Однако в целом позиции шариата не шли ни в какое сравнение с древними традициями и обычаями кочевых племен, имевших преобладающее значение в праве и судебной практике. Теперь же, в 1830–1840-е гг. российская администрация начала планомерное внедрение норм шариата в повседневную правовую и судебную практику, причем ее орудием выступали «пришлые» представители мусульманского духовенства – большей частью из числа волжских (казанских) татар.

«Реформирование» традиционного казахского суда сопровождалось активной информационной кампанией, в рамках которой русская администрация упорно проводила идею, что прежние обычаи ныне не соблюдаются, суд биев практически утратил свой авторитет, а преступления, прежде суроно наказуемые, теперь стали прямо-таки нормой жизни. Есть все основания полагать, что чиновники сильно утрировали степень правовых беспорядков в казахском обществе, но именно такая ситуация требовалась и русской администрации, и сотрудничающим с ней казахским султанам как повод для проведения дальнейших «прогрессивных» преобразований в судебной сфере. Тем не менее, насильтвенное продвижение норм шариата в Степи (в особенности по сравнению с прежней деятельностью тех же русских властей, которые в XVIII – первой половине XIX в., напротив, старались отдавать предпочтение не мусульманскому праву, а древнему адату) вызывало негативную реакцию даже преданных им предводителей казахов.

Так, казахский султан и ученый Ч. Валиханов, которого современные казахские ученые склонны упрекать в «коллаборационизме» с русской администрацией, считал, что татарских мулл в качестве чиновников и судей казахскому народу «навязали», и подобные реформы называет «бездетными для народа и вредными для прогресса». В подготовленных им документах по итогам поездок в Степь он умолял русские власти отказаться от попыток насаждить и нормы шариата, и суд по российскому образцу, обосновывая это тем, что казахское общество живет по совершенно иным традициям и ориентируется на иные ценности. Он приводил конкретные данные, свидетельствующие о незаинтересованности казахских султанов и биев в коренных преобразованиях суда, их уклонении от работы во вновь созданных органах, о предпочтении суда биев даже представителями русского населения в Казахстан. Возможно, Валиханов в чем-то идеализировал суд биев, но в целом отражал объективное положение вещей, однако не преуспел в своих намерениях: вскоре казахский суд биев подвергся коренному реформированию.

Законодательной базой новой реформы послужили два документа – «Положение об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» 1867 г. и «Временное положение об управлении в Степных областях 1868 г.». Согласно этим документам, кочевое население в судебной деятельности должно было руководствоваться нормами адата, тогда как оседлое («сарты») – нормами шариата. Вводилась формальная иерархия судов трех уровней, подсудность дел которым зависела от степени важности: единоличный суд биев рассматривал дела стоимостью до 100 руб., волостной съезд биев – до 1000 руб., тогда как более крупные дела были подсудны чрезвычайному съезду биев. Деятельность каждого из этих судов жестко регламентировалась русскими нормативными документами – например, в 1884 г. были изданы «Правила для руководства на чрезвычайных периодических съездах для разбора взаимных претензий киргизов Семипалатинской и Семиреченской областей». Коренным образом изменилась и система контроля исполнения судебных решений: если прежде его осуществляли выборные же представители самого рода, то теперь этим занимался волостной управитель, как правило, не имевший никакого отношения к конкретному роду или племени.

Важным нововведением в судебной деятельности в 1860-е гг. стало фиксирование судебных решений в письменной форме. Отметим, что документальное оформление судебной деятельности не

было незнакомо кочевым народам и государствам прежде. Так, еще Чингисхан предписывал: «Пусть записывают в Синюю роспись Коко Дефтер-Бичик, связывая затем в книги... судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности». В более поздних кочевых государствах также использовалась письменная форма судебного производства – например, в монгольских аймаках и хошунах еще в XVIII в. составлялись сборники судебных дел «Улан хацарт» («Имеющие красную обложку») и служившие в дальнейшем прецедентами. Однако традиционный казахский суд биев прежде не использовал принцип письменного документирования, и его внедрение повлекло негативные последствия.

Во-первых, большинство «народных судей» были неграмотны, и им был необходим штат судебных чиновников – писарей и пр., привлекавшихся из числа представителей мусульманского духовенства и русского населения, которые углядили в своих новых обязанностях прекрасные возможности для взяточничества. Во-вторых, суд, основанный на имперской бюрократической традиции, унаследовал и ее недостатки – в первую очередь, затянутую процедуру, которая весьма невыгодно отличала новый суд от прежнего суда биев, одной из ярких черт которого была его оперативность в решении дел.

Еще одна проблема носила отчасти даже психологический характер: вместо «своего» бия, избиравшего собственными родовицами, дела разбирал русский чиновник или представитель совершенно чужого казахского рода, к которому никак не могло возникнуть доверительное отношение. Отношение казахов к новому суду весьма красноречиво отражено в молитве, записанной русским чиновником В. фон Герном: «О, Господи! (Эту юрту) сохрани от беды и оговора, сохрани от (человека), входящего с улыбкой и уходящего с ворчанием, спаси от русского суда, спаси от вечного огня ада, о, Великий Боже!» [4]

Еще в большей степени институционализация суда биев закреплялась «Положением об управлении Туркестанского края» 1886 г. и «Положением об управлении Степными областями» 1891 г. В соответствии с ними суды избирались сроком на 3 года, что в корне противоречило прежней практике деятельности биев. Надо полагать, это нововведение явилось отражением реформ в европейской части России, проводимых Александром II в 1861-1874 гг., значительная часть которых касалась сферы государственного управления и суда. Бии («народные судьи», как их теперь надлежало именовать) выбирались из кандидатов числом не менее двух, и избранные утверждались губернатором. Весьма характерно, что практически единственным требованием к кандидатам являлось уважение со стороны народа: не требовалось ни грамотность, ни даже ... знание норм адата, что прежде являлось краеугольным требованием избрания бия-судьи!

Новый порядок избрания судей, таким образом, подорвал одну из составляющих правовой основы прежнего суда биев – легитимность судей, которой больше не требовалось: суды фактически утверждались администрацией и к тому же периодически сменялись. Не остановившись на этом, русские власти сумели подорвать и другую составляющую – юридическую базу, т.е. опору суда биев на древние правовые обычай и традиции.

Сделано это было весьма виртуозно: волостным съездам биев к концу XIX в. было предоставлено право издания собственных письменных постановлений, получивших название «ереже», а также использовать прежние судебные решения в качестве прецедентов. В результате «народные судьи» из проводников обычного права кочевых племен превращались в законодателей, творцов так называемого «нового адата» (или «нового занга») – новой правовой системы, в которой сочетались нормы шариата, положения российского имперского права, собственное усмотрение судей и в незначительной части прежние правовые обычай казахов. Таким образом, в Степи возник правовой дуализм: прежним обычаям, проводниками которых выступали бии (в традиционном понимании этого термина) противостоял «новый адат», создателями и носителями которого являлись также бии (хотя уже и в «модернизированном» понимании). Такая правовая коллизия как нельзя лучше соответствовала интересам российской администрации в Казахстане, которая могла смело говорить о торжестве своей «просветительской миссии» в сфере казахского обычного права и представлять в вышестоящие инстанции официальные отчеты об эффективной деятельности вновь созданных судебных органов.

Таким образом, формализованный суд биев («народных судей») к концу XIX в. превратился из действительно народного суда в низовую ступень российской имперской судебной системы, в орудие российских властей в Степи. Однако он не приобрел легитимности в глазах большинства казахского населения. И в результате складывалась парадоксальная ситуация: казахи обращались в избираемый суд, который проводил заседания в установленной форме с письменной фиксацией формальных ре-

шений, после чего тяжущиеся... негласно обращались к прежним биям, и те оперативно принимали решение в соответствии с древними обычаями! Российские власти старались по возможности бороться с такой практикой и даже преследовали обращавшихся к суду биев и самих судей, однако так и не смогли окончательно искоренить эту практику. По итогам ряда ревизий и проверок, проведенных высокопоставленными чиновниками правовых ведомств в Казахстане в конце 1880-х гг., русским властям было рекомендовано воздерживаться от контроля судебных дел по существу и сосредоточиться на надзоре за соблюдением формы судебного разбирательства, правил документооборота и подведомственности дел. Таким образом, традиционный суд биев отстоял свое право на существование, хотя бы и негласное!

Позиции суда биев в его традиционном варианте, казалось, имели шанс возродиться после революции 1917 г., когда Советская власть в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г. провозгласила свободу народных судов и неприкосновенность прежних обычаев. Однако уже в 1924 г. Уголовным кодексом РСФСР были запрещены «третейские суды» (так официально в советский период именовались суды биев), а с 1925 г. осуществлявшие их «аксакалы» стали привлекаться к уголовной ответственности. Фактически суд биев сошел на нет на рубеже 1920-1930-х гг. С этого времени судебное разбирательство на основе древних обычаев и традиций носило в большей степени ритуально-этнографический, а не юридический характер. [5]

Таким образом, упразднение суда биев представляет собой весьма интересное политico-правовое явление: он прекратил свое существование не из-за своего несовершенства, а как раз по обратной причине – суд биев был слишком эффективен и пользовался чрезмерной популярностью в народе. Поэтому он представлял угрозу и препятствие для установления российской административной и судебной власти в Казахстане, для интеграции казахов в имперское (затем – в советское) политическое и юридическое пространство. Таким образом, причиной прекращения деятельности суда биев стало не естественное отмирание отжившего свое правового института, а насилиственное упразднение, обусловленное исключительно политическими, а не правовыми соображениями.

Первопричину стремлений российских властей сначала подчинить суд биев царской администрации, а затем и вовсе отменить его следует видеть, вероятно, именно в уникальности его как судебной системы, судебной власти. Дело в том, что в судебной деятельности казахских биев наиболее ярко проявилось традиционное для восточных обществ единство норм права и морали: они опирались и на нормы права, и на собственное суждение, базировавшееся на высокой моральности избираемых судей. Подобный подход вступал в серьезное противоречие с позитивистской позицией, характерной для российского права, когда единственным источником права и суда являлись исключительно писанные нормы права, законы. Принудительное насаждение позитивизма в казахских степях уже и в прежние времена вызывало враждебную реакцию местного населения, а сегодня в международном правовом сообществе все чаще поднимается вопрос о взаимосвязи права и этики, права и морали. Таким образом, многие принципы казахского суда биев в наши дни представляются вовсе не архаичными, а весьма актуальными и заслуживающими глубокого изучения и даже (в некоторых аспектах) заимствования современной судебной теорией и практикой, причем не только в Казахстане и центральноазиатском регионе, но и на мировом уровне.

Список использованных источников:

1. Ерофеева И.В. *Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик*. Алматы, 1999. С. 301-302; *Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.)* // *История Казахстана в русских источниках*. Т. III. Алматы, 2005. С. 409.
2. Колесник В.И. *Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках*. М., 2003. С. 184-188.
3. Doerfer G. *Türkische und Mongolische Elemente im Neopersischen*. Bd. IV. Wiesbaden, 1975. S. 202-203.
4. Попова Л.Ф. *Российские правовые реформы в восприятии казахов XIX века* // Норма, обычай, право: законодательство и практика. Материалы круглого стола. М., 2004.
5. Никишенков А.А. *Адат, суд биев и институты Российской государственности...* С. 14.

Түйін

Берілген мақалада бекзаттық Ресейдің отаршылығы кезіндегі Қазақстанның сот жүйесінің өзгертуілуі қарастырылған.

Summary

In given article reforming of judicial system of Kazakhstan in colonization of imperial Russia is considered.